

СЕСИЛИЯ
ГРАНТ
*В сетях
любви*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г75

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Cecilia Grant
A GENTLEMAN UNDONE

Перевод с английского *М.Л. Павлычевой*
Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
The Random House Publishing Group
a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Nova Littera Ltd.

Грант, Сесилия.

Г75 В сетях любви : роман / Сесилия Грант ; [пер. с англ. М.Л. Павлычевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-084377-0

Соблазнительная красавица Лидия Слоутер, оказавшаяся в отчаянных обстоятельствах, вынуждена пустить в ход... нет, не свои женские чары, а острый ум, отличную память и умение разбираться в цифрах.

Она решает заключить союз с героем Наполеоновских войн Уиллом Блэкширом, вместе они станут настоящей грозой игорных клубов Лондона и обретут целое состояние.

Ничего личного, исключительно деловые отношения — в этом Лидия снова и снова старается убедить и Блэкшира, и себя. Однако все яснее она понимает, что совершила роковую ошибку, путая работу с любовью. И кажется, здравый смысл вот-вот уступит сердцу, пылающему огнем жгучей страсти...

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

© Cecilia Grant, 2012

© Перевод. М.Л. Павлычева, 2013

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-084377-0

Пролог

Июнь 1815 года

— Его нельзя было трогать с места! Зачем вы принесли его сюда? О чем вы только думали, черт побери? — От хирурга пахло кровью.

В слабом свете свечей, освещавших помещение полевого госпиталя, казалось, что этот человек, привыкший распоряжаться жизнями других людей, состоит из одних теней.

— Санитары-носильщики отказались его забирать. Я ждал несколько часов. — Блэкшир тихо хрипел, как будто его горло было ободрано до крови, хотя в этом не было ничего удивительного: весь день ему приходилось перекрикивать оружейные залпы и пушечную канонаду, перекрикивать грохот от столкновения кавалерии двух наций.

Была и еще одна причина, почему он не мог говорить громко. Они находились в церкви, вернее, в здании, которое было церковью, прежде чем его приспособили для столь страшных нужд. Вероятно, оно снова станет церковью, когда всех этих людей переправят в Брюссель. В Брюгге. В нормальные госпитали с нормальными койками вместо узких скамеек и холодного каменного пола. Человек должен проявлять уважение к церкви во всех ситуациях.

— Вы знаете, какой у них приказ. — Врач склонился над скамейкой, на которой лежал Толбот, приподнял и опустил его слабую руку. Его грудная клетка двигалась в каком-то причудливом ритме, который, казалось, не имеет никакого отношения к дыханию. — Они должны первым делом забирать офицеров и только потом выбирать тех, кого еще можно спасти. Господь свидетель, таких много, поэтому без работы нам не сидеть. Так что нечего тратить время на безнадежный случай.

Слова врача никак не способствовали выздоровлению пациента. Уилл открыл рот, собираясь высказаться, и тут же закрыл его. Какое ему дело до манер этого человека! Главное — это состояние конечностей Толбота. Хотя он был весь покалечен, он все еще мог двигать пальцами рук и ног, когда лежал на поле битвы. Возможно, Уилл совершил ошибку, ему не надо было приносить его сюда.

Но поразмыслить над этим можно будет позже.

— Но сейчас он здесь. — Приказ сформировался на подсознательном уровне после долгой практики: отбросить прочь несущественное, определить путь и направить человека по этому пути. — Не будем заниматься домыслами. Я прошу одного: взгляните на него и определите, что можно сделать. Ведь это то же самое, чем вы занимались всю ночь.

— Вы меня плохо поняли? — Хирург выпрямился, и его лицо скрылось в полумраке. — У него поврежден позвоночник. Он не в состоянии двигаться и не чувствует ног. Ему уже не помочь.

Уилл сглотнул. В горле возникло ощущение, будто он проглотил горсть картечи.

— Откуда вы знаете? Вы же даже не осмотрели его. Здесь слишком темно, чтобы понять все с первого взгляда. А что, если он не может двигаться просто из-за боли и сла-

бости? — Даже несмотря на чудовищную усталость, Уилл понимал, насколько бессмысленен его аргумент. Стиснув зубы, он отступил на шаг.

И наткнулся на кого-то: это оказался рядовой пехотинец, который, не обладая привилегиями лейтенанта, лежал не на скамье, а на каменном полу. Вопросительный взгляд его глаз на мгновение задержался на Уилле, а потом скользнул в темноту под потолком.

Этот пациент не издавал ни звука в отличие от других. Стоны становились чудовищными, когда концентрировались в замкнутом пространстве и отдавались эхом в каменных стенах церкви, ставшей по иронии госпиталем.

Уилл медленно вдохнул, медленно выдохнул. Два дня назад он опустился на колени на перекрестке у Катр-Бра, чтобы перезарядить мушкет: порох, пуля, пыж, — и тут налетели кирасиры в блестящих прочных нагрудниках. В тот момент он подумал: «Теперь я знаю, как выглядит ад». Примерно тридцать часов спустя он понял: «Ад — это бессонная ночь под ледяным дождем после одного сражения и перед другим. Это промокшая насквозь форма, которая хлопает, когда ты хлопаешь по плечу испуганного новобранца и не можешь подобрать для него слова утешения».

Потом адом стали битвы, грохот, вонь, сраженные товарищи, ад для выживших, ад долгого ожидания с Толботом, дикой усталости, тающей надежды на помощь, безграничного отчаяния, которое в конце концов побудило его взвалить раненого на плечо и понести. Будь он в другом состоянии, он бы не сделал такой ошибки.

И не совершил бы еще одну, поверив, что он уже видел преисподнюю. Теперь же Уилл знал, что она — это та часть переделанной в госпиталь церкви, где отвели место для безнадежных раненых солдат и свалили их на камен-

ный пол, как человеческий мусор. Они молят Господа, или врачей, или матерей о милосердии и ничего не получают в ответ на свои мольбы.

Нет. Можно утонуть в таких размышлениях, а у него в настоящий момент есть более важные дела.

— Пожалуйста. — Хирург уже вставал. Это был последний шанс Уилла найти к нему подход, каким-то образом заставить сделать хоть что-то для человека, которого он вынес из ада. — Он один из моих ребят. Я в ответе за него. У него жена и ребенок.

— Ради Бога, лейтенант, оглянитесь вокруг. О каждом из этих людей будет кто-то скорбеть. Каждый из них ляжет тяжелым грузом на совесть какого-нибудь лейтенанта, или сержанта, или полковника, которые наверняка придут к выводу, что в какой-то момент боя ему надо было бы действовать по-другому.

Врач погладил Уилла по рукаву — это был жест утешения.

— По правде говоря, я не уверен, что санитарам-носильщикам удалось бы благополучно доставить его сюда. Результат был бы практически таким же.

Эти слова тоже должны были утешить его.

— Вы сделали, что могли. А теперь я предлагаю вам поспать.

Вот и все. Толбот останется умирать. Санитары-носильщики ничем бы не помогли ему. Однако его принес Уилл, он намеренно не дал им этот шанс.

— Подождите. — Теперь вверх взметнулась его рука, чтобы задержать доктора. Он заставил свой голос звучать тише. — Вы можете хотя бы дать ему что-нибудь? Опиум? Он ужасно страдает.

Господи, Уилл догадался, каким будет ответ, когда еще не договорил. Каждый из тех, кто лежал здесь, тоже испы-

тывал страшные муки, а опиум использовали только для тех, кому делали операцию.

— Сожалею, — сказал доктор.

Уилл, выпустив его руку, смотрел, как он удаляется.

Грудная клетка Толбота неровно поднималась и опускалась, как бы повторяя рваное биение его сердца. Когда это закончится? Надо было спросить. Он поднес руку к лицу, провел ладонью по глазам, по давно не бритым щекам, по горестно опущенным уголкам рта, по подбородку. Повернувшись, он встал на место доктора у скамьи и опустился на колени.

— Я заберу тебя отсюда. — Глаза раненого были закрыты, но он плотно сжал губы и дернул головой, что означало кивок. — Слишком много раненых, у них нет ни свободного хирурга, ни опиума. Тебе нет смысла оставаться здесь.

«Потому что нет надежды». Зачем произносить это вслух? Кому от этого будет лучше?

— Может, другие госпитали оснащены получше, и мы сможем раздобыть тебе хотя бы немного джина.

Джин. Маловероятно. Если только не начать грабить трупы в поисках фляжки. Между нынешним моментом и тем мгновением, когда Толбот испустит дух, эта идея выглядит вполне резонной.

Уилл поднял раненого со скамьи и едва не согнулся, но не под тяжестью тела, а словно под грузом обманутого доверия. Лавируя между живыми и мертвыми телами, он продвигался к двери, и каждый его шаг омрачался растущим предчувствием: вполне возможно, что после всех увиденных картин ада его ждет нечто еще более страшное.

Глава 1

Март 1816 года

Трое из куртизанок были красавицами. Его же взгляд, естественно, остановился на четвертой. Давнюю привычку не изжить, как бы ни менялась жизнь.

Уилл облокотился на стол и подпер голову ладонью. Эта беззаботная поза свидетельствовала о его полной уверенности в своей роли и позволяла краем глаза следить за понтером напротив и хорошо видеть дам. Последних он разглядывал просто так, без всякого умысла. Он пришел в это заведение с определенной целью, перед ним стоит серьезная задача, и куртизанки не имели к этой задаче никакого отношения.

Однако любой человек имеет право смотреть по сторонам. Слегка вытянуть шею, время от времени поглядывать на одну из дам — и вот из кусочков собирается полная картина. Он наблюдал за ними весь вечер, пока они играли в карты, сидя за столом примерно в пятнадцати футах от больших столов джентльменов. И хотя все они — в том числе искусительница с блестящими волосами цвета красного дерева и грациозная и хрупкая, как хрусталь, блондинка — радовали глаз, только одной удалось привлечь к себе его внимание.

И вот сейчас он наблюдал за ней. Ее глаза смотрели на карты, которые она изящными пальчиками разворачивала

перед собой веером после сдачи. Не красавица, нет. Можно сказать, миловидна. Любой молодой человек был бы рад иметь такой орлиный нос и такие изогнутые брови.

Она изучила свои карты, но не переместила ни одну из них, хотя играли в вист, и три ее партнерши уже переложили свои карты так, как им было удобно. Она посмотрела на ту, что сидела напротив. Серовато-голубые глаза, ничего не выражающие. Имей она все козыри, никто бы об этом не догадался.

— Там ловить нечего, Блэкшир. — Слова долетели в облаке табачного дыма, едва слышные в шуме разговоров за другими столами. — К ним уже стоит очередь. — Лорд Каткарт, разглядывая карты, передвинул трубку из одного угла рта в другой. В поле его зрения на мгновение попали дама и десятка. Удаче действительно нравится кидаться в объятия богатым.

— Даже если бы они были свободны, я бы все равно не стал ничего ловить. С такими, как они, младшему сыну без состояния ничего не светит, — так же тихо сказал Уилл. У него на руках были пики, и он, приподняв уголок, взглянул на сданную карту. Семерка треф.

— Ну, не знаю. — Виконт слегка повернул к нему красивое лицо. — Младший сын, который только что продал свое офицерское звание, может устремлять свои взоры гораздо дальше жадной до редких приключений вдовушки.

— Вдовы меня вполне устраивают. У них нет торгашеских замашек, не надо беспокоиться, что соблазнил благородную даму, которая теперь сожалеет о содеянном.

Слова звучали вяло и фальшиво. Мнение, оставшееся от прежней жизни, было таким давним, что уже попахивало гнилью. Он головой указал на столик, за которым сидели куртизанки. — Как бы то ни было, твои райские птички слишком роскошны для моего темперамента.

— Ха, готов спорить, что у твоего темперамента свое мнение на этот счет. Взять хотя бы ту крошку с острым подбородком и «греческим узлом». Стик, — сообщил он всем понтерам, когда до него дошла очередь.

— Сплит, — сказал Уилл и перевернул свою семерку. Его пульс участился, но это не имело никакого отношения ни к той «крошке», о которой упомянул Каткарт, ни к какой-либо другой. Он продвинул вторую карту вперед и сосредоточил все свое внимание на двух новых картах.

Восьмерка увеличила один хенд до пятнадцати. Хороший шанс остаться ни с чем на третьей карте, и мало шансов обыграть банкмета, если он остается в игре. Второй хенд был лучше: туз давал возможность набрать восемнадцать, а также искушал возможностью сыграть на пяти картах, если он будет считать туза за единицу, а не за одиннадцать, и если ему повезет с тремя следующими картами.

Так какова вероятность? Двадцать один минус восемь — получается тринадцать. Сколько комбинаций из трех карт дают тринадцать или меньше? Если в игре сто четыре карты... восемь тузов, восемь двоек и так далее, а за столом еще одиннадцать человек, у которых есть некоторые из этих карт... черт, надо было лучше слушать на занятиях по математике. Хорошо же он «отблагодарил» отца, да упокоит Господь душу старика, за то, что тот дал ему возможность получить образование в Кембридже.

— Покупаю на обоих хендах. — Еще двадцати фунтов как не бывало. Лучше изображать беспечность в начале вечера, когда ставки малы. А благоразумие подождет еще несколько часов, когда большинство захмелеет и будет ставить суммы, о которых утром пожалеет.

Новые карты упали на стол, и он приподнял их уголки. Пятерка и тройка. Двадцать и двадцать одно. Или двадцать и одиннадцать. И если считать как одиннадцать, то для

двойного выигрыша на пяти картах ему нужно набрать десять очков и прикупить две карты.

Он постучал затылком в перчатку пальцем по уголку одной карты. Неужели он действительно подумывает о том, чтобы купить еще одну карту, когда у него на руках двадцать одно очко?! Он здесь впервые, не просидел за столом и двух часов, а уже изо всех сил испытывает фортуна.

И что тут необычного? Он хорошо знает, что она может выкинуть. И по сравнению с этим потеря тридцати фунтов — ничто.

— Еще одну сюда. — Он выложил банкноту перед своим вторым хендом.

Валет червей усмехнулся Уиллу, когда он поднял новую карту и испытал тихое облегчение. Узлы, затянувшиеся где-то внутри его, распустились. Не будет выигрыша на пяти картах, но и не будет расплаты за его беспечность. Если у банкмета на руках не окажется двадцать одно очко, можно утверждать, что у него как минимум один выигрышный хенд. А может, и два.

— Стик, — сказал он. Игра переместилась влево от него, и он опять подпер голову ладонью.

Пока он наблюдал, дамы разыграли подряд две взятки на трефах, причем та, которая с острым подбородком, уверенными движениями клала на стол карты, которые так и не переложила в руке после сдачи.

Пусть Каткарт подтрунивает, если ему так нравится. Эта крошка дает пищу для мужского ума. Красивые женщины вывешивают свою привлекательность, как выстиранное белье, и оно начинает хлопать на ветру, привлекая всеобщее внимание. Та же женщина, которая не выставляет все напоказ, которая носит свои достоинства, как шелковое нижнее белье на голом теле, и искушает мужчину добраться до них, — такая женщина всегда будет заставлять

работать мужское воображение. Даже если у него не хватит денег на то, чтобы дать поработать не только своему воображению, но и телу. Уилл вздохнул.

— Что такое «греческий узел»? — понизив голос, спросил он. — Это то, как она собирает волосы?

— Безнадёжно, — прошипел виконт, окутанный облаком дыма. — Видимо, они не так уж тебя и привлекают, эти твои вдовушки. Имей в виду, я считаю, что твоя Афродита с ястребиным профилем не слишком разборчива, если судить по тем, с кем она водится. — Он выставил подбородок, указывая на понтера чуть дальше за столом, красивого, с квадратной челюстью, который не стал рисковать на следующей сдаче, заполучив двадцать одно очко на первых двух картах.

Любопытство стало донимать Уилла, как жужжащая возле уха оса. Он отмахнулся от него. Он пришел сюда не для того, чтобы интересоваться слухами. Какое ему дело до того, кого та дама выбрала себе в покровители.

— Ястребиный профиль, говоришь? — Он откинулся на спинку и вытянул перед собой руки. — Постарайся быть корректным.

Хотя, по сути, это заведение не для корректных людей. Бутылки на столе. Мужчины дымят как паровозы, несмотря на присутствие дам. Хотя настоящий игорный ад выглядит гораздо хуже. Джиллрей, артиллерист, утверждал, что к четырем-пяти утра можно и в самом деле учуять запах отчаяния. От простофиль так и воняет, говорил он, исходит запах кислого пота, а вот от хорошо поработавшего человека пахнет по-другому. А почему бы нет? Считается, что у страха тоже есть запах — это можно было бы проверить на поле сражения, но там всегда мешанина из запахов. И никто никогда не замирал и не объявлял, что от него пахнет страхом, — так почему бы и отчаянию не иметь запах?

Он думает не о том. Банкомет — тучный тип с одышкой банкротился. Очередь сдавать карты перешла к его соседу. Уилл покрутил рукой, чтобы размять запястье. За дамским столом девица с волевым лицом взяла третью взятку подряд и спокойно сделала пометку на листке, лежавшем у ее правой руки.

Ястребиный профиль. И в самом деле. Он сложил руки за голову. В ее облике действительно есть нечто птичье: и в форме носа, и в ничего не выражающих глазах, и в светло-каштановых, как оперенье вьюрка, волосах. Эти птицы — холодные маленькие создания, несмотря на мягкие перышки и красивое пение. Стоит такой пташке взглянуть на тебя — и вот уже на завтрак она клюет твои мозги. Станных знаний набирается человек на войне...

Банкомет набрал девятнадцать, и Уилл разбогател на пятьдесят фунтов. Еще один крохотный шаг к вершине. Он сгреб свой выигрыш и подвинул карты к покровителю девицы с ястребиным профилем.

Тот на вид был примерно одного с ним возраста, лет двадцати пяти. Ему предстояло сдавать, и он буквально раздувался от важности. Даже поправил галстук, прежде чем взять в руки карты. С хорошо отрепетированным снисходительным выражением слегка наклонил голову, давая понять соседу справа, что слышит разглагольствования о своей любовнице.

— Вот что я скажу, Роанок, — тем временем говорил сосед. — Зря я спорил на то, что вы не станете долго держать ее подле себя. Она даже вполчину не так привлекательна, как та, с которой вы крутили прошлым летом. Уж больно та была хороша.

Губы Квадратной Челюсти слегка сжались — это был единственный признак того, что его оскорбило замечание соседа.

— Та одарила меня внебрачным ребенком. — Зеленый камень в запонках блеснул, когда он вытянул руки, чтобы собрать карты. — А эта не может.

— Или просто говорит, что не может, я уверен, — с многозначительным видом возразил сосед.

— Не может. — Роанок произнес это с терпением кронпринца, привыкшего к общению с тупыми подданными. — У нее внутри какие-то неполадки. Нет месячных.

Замечательно. Лишние сведения, причем такие, какие пожелал бы практически любой из мужчин, сидящих за столом. Уилл посмотрел на виконта, и тот в ответ лишь приподнял плечо. Очевидно, подобного рода разговоры здесь обычны.

Тема беседы становилась еще более мерзкой.

— Я бы тоже против такой не возражал, — высказал свое мнение тип в сюртуке бутылочного цвета и с грубыми чертами лица. — Доступна все дни месяца, правда? И не может сослаться на недомогание и прогнать тебя. Где вы ее нашли?

— Выдернул из заведения миссис Пэрриш. — Роанок подровнял карты в колоде и положил ее на стол рубашками вверх. — Можете не сомневаться, там ее хорошо натаскали. Если и есть что-то, чего она не умеет делать в постели, то я этого еще не обнаружил.

Заведение миссис Пэрриш. Даже тот, кто туда никогда не заглядывал, знал немало об особенностях этого места. И слышал немало интересного. Например, о хитром изобретении, управляя которым, одна женщина стегает мужчину, в то время как его убаживает другая. О дамах, которым нравится, когда их самих хлещут плетью, о диких, чуждых пониманию оргиях. Интересно, на каком «развлечении» этот тип познакомился со своей любовницей?

Черт побери. Это его не касается. Ему не пристало стро-

ить предположения по поводу частных дел какой-либо дамы. Это вообще не следует делать мужчинам, сидящим за столом, а они как раз принялись забрасывать Роанока наглыми вопросами: «А это она делает?», «А это она тебе позволяет?» Его скупые, односложные ответы лишь разжигали интерес, но он спокойно сдавал карты.

По спине пробежали мурашки: в нем поднялось раздражение. Она наверняка слышит все это. Она наверняка видит, как мужчины один за другим оборачиваются и окидывают ее оценивающими взглядами. Он не заметил, чтобы выражение ее лица как-то изменилось или чтобы ее движения стали суетливыми. Но чего ей стоит, спрашивал он себя, сохранять самообладание, будучи предметом вожделения похотливых грубиянов?

— А у нее есть имя? — это был его собственный голос, перекрывший другие.

Какого черта он это делает? Хочет вызвать подозрения у всей компании? По тому, как напрягся Каткарт, он понял, что привлек к себе внимание, хотя виконт даже не повернулся к нему.

А вот Роанок повернулся. Его аристократические брови слегка сдвинулись на переносице.

— Ее зовут Лидия, — ответил он и бросил следующую карту.

«Прекрати, Блэкшир». Но раздражение снова заявило о себе, причем не предупредительным покалыванием по позвоночнику, а мощной пульсацией, похожей на удары кулаков.

— Я имею в виду, как к ней следует обращаться.

Проклятие. Когда же он научится различать, что касается его, а что — нет?

— Вы желаете обратиться к ней с конкретной просьбой? — Роанок посмотрел на него очень внимательно. Его